

Часть 1. Между революцией и войной

*Час зупинився — клоуни в шоці,
Ти обирай на чиему ти боці.
Останньому рай, а першому кулю,
Бо хто сіє вітер, той пожне бурю.
Це — коли все не так,
Коли сотні підіймуть у гору кулак.*

(А. Лобода, 2013)

1. Три крови революции или пролог (Февраль 2014)

Во время революции кровь всегда проливается три раза. Когда Макс говорил это, было достаточно дико поверить в то, что пост в Facebook, а затем потасовка с избиванием горстки студентов перерастет в многолетнюю эпопею с тысячами смертей, покалеченными судьбами, выжженными городами, и круто изменит мою жизнь.

О событиях зимы 2013–2014 годов в Украине в целом и на Майдане в частности написано немало. Причины, следствия и ход тех памятных событий давно переросли из разряда хроники в героический эпос с одной стороны и бандитскую сказку с другой. Что-то забыто, что-то додумано.

Можно долго рассуждать, кто был прав, кто отдавал приказ и кто стрелял. Правда давно сожжена в горниле «стены огня на Грушевского», затоптана в брусчатку Шелковичной и расстреляна на Институтской. Уже не имеет значения, почему так быстро сгорел Дом Профсоюзов, кто его поджег и сколько людей осталось внутри. Не имеет значения, какой на самом деле есть та правда, думаю, у каждого она была своя, и на Майдан предприниматели, рабочие, бандиты и студенты ходили каждый по своим причинам. За своей, самому для себя придуманной правдой.

А за границами и морями, наблюдая революцию-онлайн, каждый сам себе придумывал свою правду. И то первое мнение не выветрить из головы никогда, как минимум потому, что, чтобы понять все хитросплетения околوماйданных интриг, нужно либо просто верить на слово, либо изучать историю Украины аж с Богдана Хмельницкого или даже раньше.

Но так или иначе, нужно сделать выбор. Один и навсегда. И выбору тому следовать. Это тоже Макс сказал. Поначалу это было дико для меня, ведь, не зная полной картины, сложно выработать мнение, нужно разобраться... А разобравшись, ты понимаешь, что все еще более запутано... И в бесконечных разбирательствах, конспирологических теориях, заговорах и разоблачениях ты теряешь суть... Все всегда сводится к двум вещам — бей, либо беги...

Первая кровь на Майдане помогла сделать выбор многим. Помню, как, наблюдая за колоннами Автомайдана, ехавшими куда-то чего-то пикетировать, я не мог понять, чего эти люди хотят, откуда берут время и главное — деньги для своих, казалось бы, бестолковых игрищ. Последующие события плавно перевернули мое восприятие. Откуда-то возьмутся деньги, окажется, что ночью вовсе не обязательно спать, а такое бестолковое времяпрепровождение, как семейная ссора с полудневным сидением по разным углам квартиры — непозволительная роскошь. Мы слишком много ставим на кон, чтобы ссориться по пустякам.

Вторая кровь революции — она всегда больше, чем первая... Я думал, что второй кровью стали Нигоян, Жизневский и Юра Вербицкий, убитые на Грушевского. Ясное дело, жертв было значительно больше, многие «отделались» ранениями и увечьями. Но этим троим «подфартило» попасть на передовицы газет и телеэкраны, о них знают многие, не в пример пацанам, забитым до смерти дубинками на колоннаде стадиона имени Лобановского. Их тела исчезли, словно бы и не было...

И поначалу трагедия 18–20 февраля казалась в данном контексте дьявольским, но закономерным апофеозом событий, после которых начнется «тотальное всепоглощающее счастье» строительства новой страны. Но, о, как глуп и наивен я был в те дни...

Революция оказалась гораздо более масштабным, кровавым, грязным и неоднозначным

явлением, чем могло бы показаться. Стычки с милицией, те, о которых не говорили по телевизору, происходили каждый день, с обеих сторон были раненые и даже пленные, на локальном уровне происходили переговоры, обмены и перемирия. Не все милиционеры, как оказалось, были тотальными негодьями, не все революционеры — кристальной души молодцами...

Уже тогда пилились пожертвования и саботировались приказы, уже в период безвластия, когда в милицейской форме выходить на улицу было просто опасно, работники райотделов выходили на патрулирования и блокпосты «по гражданке», помогали «правильным» революционерам информацией и знакомствами.

Как оказалось, на фоне всеобщего ликования, город Киев был под угрозой мародерств и разграбления, что могло бы стать поводом для ввода российских войск еще тогда, в феврале. Ведь для создания иллюзии бардака и анархии, среды благоприятной для ввода «сил обеспечения правопорядка», не нужно сжигать город, достаточно десяти групп, которые за ночь сожгут 100 магазинов при полном непротивлении, а точнее отсутствии милиции.

Тогда город, власть и страну спасли «афганцы». Думаю, учитывая печальный опыт 1918 года, да знания, почерпнутые на всяких «политзанятиях», умело координируясь с «политиканами», они обеспечили «силовое прикрытие» достижений революции. Но в деле были не только те самые 50-летние боевые дедушки, которых никто «никуда не посылал», часто со сломанной психикой и судьбой, слабым здоровьем, пивным пузом и КГБшными мозгами. Союз афганцев Украины умудрился взять «под крыло» достаточно много организованных групп активных молодых людей, готовых к решительным действиям. В те дни каждый человек был нужен и важен, и никто не разбирался, правый ты или левый, серый или буро-малиновый.

И вот, колонна из четырех автомобилей патрулирует указанный маршрут, фактически выполняя милицейские функции: без значков, документов, мигалок, но с палками и даже дробовиком, в масках. Во главе процессии — моя черная Шкода с, как потом оказалось, сломанной от перегрузки задней правой пружиной. В свете фар — мой город, и я его хорошо знаю, переулки, проспекты, подворотни...

На улицах непривычнолюдно, все те, кто в «мирное» время могли бы дебоширить по подворотням, пить водку и отжимать кошельки, стали на защиту своих улиц и дворов. Быть может, не каждый это понимал, но не удержи мы все тогда город — потеряли бы страну.

Но тогда, теми длинными и сложными ночами, я еще не догадывался, что «небесная сотня» — это лишь увертюра в пьесе под названием «Война за независимость»...

2. Странный сон (Апрель 2014)

Рейс Тель-Авив — Киев — полупустой, в Украине только произошла революция и мало кто желает посещать страну, полную непонятных националистов, бандеровцев, какой-то хунты и вообще нестабильности. Телеканалы рассказывают то о силовом захвате власти, то о победе демократии, то о пользе раздельного питания. Короче говоря, ничего не понятно, страшно, страшно непонятно, но дико интересно.

Колеса отбивают чечетку по бетонке взлетно-посадочной полосы, тело чувствует перегрузку, а затем невероятную легкость — мы в воздухе. Я всегда боялась летать, хоть по долгу службы летать приходится немало, но что поделаешь, любая сильная женщина имеет слабости и страхи.

Чтобы отвлечься от страха полета, надо думать о работе. Я достала блокнот и открыла на пустой странице. Мне предстояло целое расследование, уравнение с тысячей неизвестных. Нужно разобраться, что это за Майдан, кто там чего хотел, почему так вышло и почему они все (эти загадочные украинцы) так не любят Россию. Этот, наверное, самый сложный вопрос я записала на полях. Почему-то мне кажется, он настолько глобален, что придется изучать чертову историю этих постоянно сходящихся и расходящихся «супругов». И вообще, ни черта не понятно, это же одинаковые люди, одинаковые страны, у них даже язык одинаковый. О господи, дал же бог работу...

Так, разбираемся дальше. Янукович — президент Украины. Тут ясно: бывший коммунистический функционер, начальник автобазы, два тюремных срока... Премьер, президент — что же это за люди, что выбрали себе урку в начальники?

Азаров — это их премьер... а Яценюк... тоже премьер, а разница? Будем разбираться, главред Миша, наверное, очень тонко пошутил, отправив меня на это задание. Ну а я, бешенная собака, для которой 20 километров не крюк, и взялась... Что делать, жить теперь дорого, а платят все-таки солидно.

Дмитро Ярош... Темная лошадка, появился «на горизонте» пару месяцев назад, внешне интересный, немного брутальный мужчина, разговаривает на непонятном языке, лидер Правого Сектора... все... тут придется копать основательно.

Правый сектор как таковой... Красно-черный флаг, портрет какого-то импозантного мужчины, но не Че Геварры... хи-хи — че, Бандеры... О господи, как все сложно, как все это сложно и запутано. Сидела бы ты Эллочка в разделе светской хроники, оно тебе надо? Боже, у меня паника....

...На борту раздавали шампанское. Дабы отвлечься от бури мыслей, Ярошей, Бандер и всяких Тягныбоков, я мило улыбнулась стюарду, и тот принес мне третий бокал. Непонятно как, но все эти страшные мужчины покинули мою бедную голову и наступило умиротворение. Наблюдая в иллюминаторе бескрайнее море, я заснула.

...Все как в тумане, ничего не видно, вокруг дым. Я вообще не понимаю, что случилось, мне даже не страшно. В ушах то ли свист, то ли звон. Мама, роди меня обратно, что это со мною...

Тут что-то меня схватило и куда-то поволокло, ногу пронзила боль. Перед глазами все плывет и это вообще какой-то калейдоскоп, свет-тьма, мною обо что-то ударили. Тянут дальше...

...Да что ж это происходит такое, где я, кто я, что я?.. О боже, за мной остается

кровавый след, это же кровь? Это моя кровь? Я умираю?

— Сюды, давайтэ його сюды, — молодой хриплый голос властно закомандовал за спиной. Слова вроде бы понятные, но какие-то не такие.

Голос продолжил:

— Що там, нога? Херня, ще танцювамымэ! Давай його сюды...

Какие-то невидимые руки грубо подбросили меня и затем небрежно уронили в грязь. Опять потащили и, в конце концов, оставили в покое. Я уже было собиралась крикнуть этим рукам что-то в стиле «по-аккуратнее», но тут совсем другие руки бесцеремонно начали меня лапать. Сил сопротивляться почему-то не было, это было ужасно противно. Ну, думаю, все, капец, вот оно как, когда насилуют, все происходит, и все эти тренинги — фигня на постном масле. Но чего тягать-то туда-сюда, и кровь, и чего этот хриплый голос там орет на непонятном наречии...

— Мать моя женщина, цэ ж тьолка, — как-то весело и удивленно, сказали где-то рядом.

А противные руки продолжали как-то странно, то сжимая, то разжимая хватку, елозить по моему телу. Тут резкая боль взорвалась в ноге, что-то сдавливало бедро, я аж взвыла, и на глазах выступили слезы. «Что ж вы за изверги-то такие, — подумала я. — Ну насиловать — насилуйте, резать на части ж зачем по живому, я ж еще молодая...» Тут надо мной появилась небритая чумазая физиономия с на удивление добрыми глазами. Физиономия улыбнулась и опять молвила на непонятном наречии: «Так, дивчинко, все добрэ, джгут наклали, вавку залаталы». Кто-то (наверное, обладатель физиономии) вытер салфеткой слезы, что-то написал у меня на лбу маркером и исчез. А какие-то руки опять потянули меня в неизвестность и...

...Я проснулась. Вокруг был самолет, ни огня, ни дыма, ничего... Я машинально схватилась за ногу — она была на месте, все было в порядке, и болела лишь голова, да и та, видимо, от шампанского. Сосед бросил в мою сторону осуждающий взгляд, дескать, напилась и буянишь тут в полудреме. Как раз зажглось табло «пристегните ремни» — самолет готовился к посадке. Внизу от горизонта до горизонта все было белое...

3. Не говорить по-русски (Март 2014)

Первого марта 2014 года была суббота, на работу идти было не нужно, я позволила себе поваляться подольше. Измотанный ночными бдениями Юра сладко спал, как всегда, отвернувшись к стенке, мой герой и защитник чертов. О, сколько ты мне нервов помотал за последнюю неделю. Я понимаю, конечно, что беречь Киев от каких-то гопников — дело нужное. Но, боже, как тяжело ждать, в полудреме от усталости, но без сна от напряжения. Ведь ты у меня такой один: заботливый, сильный, вредный и неряшливый в одночасье. Я помню, как на Грушевского ты заслонял меня своим, в общем-то, тщедушным телом от палок «Беркута», и постоянно держал за руку, чтобы не потерялась в толпе.

Помню, как сжималось сердце утром 20-го, когда ты уехал за пацанами... И как отлегло от души, как только услышала твой голос в телефоне, узнав, что ты жив, здоров и едешь домой. И как тяжело мне было тебя отпускать в ночь на какие-то непонятные патрулирования, и как я тебя ждала. И не было тени сомнения, что раз ты уехал, то значит так надо, но, бог свидетель, я была с тобой, рядом, на плече ангелом-хранителем.

И вот ты спишь рядом, мой, единственный. Защитник, добытчик, нервов моих мотальщик.

Иду на кухню делать кофе, машинально включаю телевизор, чуть ли не по всем каналам либо «Пливе кача по тисині», либо возня в Крыму. Блин, какие ж они там дикие, честное слово, никто их бить, вырезать не едет, больно надо... И мусоров этих поотпускали восвояси, проводили даже. Ан нет, поставили блокпостов, чудят чего-то, ну их к черту.... Своих проблем хватает, я банально устала от этого постоянного напряжения, ожидания, постоянного бега.

Вот и мой благоверный заворочался, первый день весны наступил.

Я помню — это был теплый весенний день, я помню, как природа благоволила нам ранее, я помню снег 11 декабря, который так кстати выпал, я помню оттепель последовавшую за тем, когда снежные баррикады на Майдане стали ледяными, я помню ветер, дувший в сторону милиции 19 января, я помню прекрасный солнечный день 18 февраля...

Я помню, как на голову градом упало сообщение о появлении «зеленых человечков» сначала во дворце Верховной Рады Крыма, а затем и по всему полуострову. Мы все не хотели верить в то, что они пришли и останутся, мы уповали на наших украинских военных, вышедших в «психологическую атаку» с красным флагом на вооруженных головорезов, мы уповали на НАТО, на американский авианосец в Средиземном море, на дипломатию, на крымских татар, наконец, на здравый смысл. Нам очень хотелось, чтобы «зеленые человечки» пропали так же неожиданно, как и появились. Мы просто устали от этих ночных бдений и переживаний, день и ночь смешались в одно непонятное сюрреалистическое серо-зеленое месиво.

Но ничего такого не произошло, зеленая чума расплзлась по полуострову, один за другим сдавались военные городки и части, без огня и сопротивления. Это было настолько дико и непонятно: невесть откуда взявшиеся георгиевские ленты, народные мэры, алкоголического вида самооборона Крыма, досмотры на вокзалах, первые нападки на «континентальных» журналистов.

Я помню, с каким страхом в душе мы встретили разрешение Путина на «использование

военных подразделений РФ на чужой территории». И я никогда не забуду то самое первое чувство — пришла война, и холодной рукой медленно забирает у меня защитника, любимого и дорогого. За спокойными глазами и фразой «если что, и я пойду» играла буря эмоций, о, как мне хотелось открыть глаза и проснуться...

...Но сон не закончился, а лишь стал четче. У «зеленых человечков» появилась характерная российская техника, а спустя две недели — знаки различия. В голове плохо умещалось, что «братская страна» так нагло и беспардонно отбирает у нас Крым, который, в принципе, до того был почти что общим.

Мой папа, коренной россиянин, флотский офицер, плакал, как ребенок, наблюдая тщетные попытки корвета «Тернополь» вырваться из бухты Донузлав, и крыл, трехэтажным матом не стесняясь, все флотское командование.

Это потом стало известно о череде предательств и нежелания принятия решений, о подкупах и подлостях, о том, что командования как такового не было. Это потом станет понятно, что украинская армия, разграбленная и разваленная, была полным импотентом, никто не желал, не умел и не хотел брать на себя ответственность и сопротивляться, даже после первой жертвы.

Я помню, как мы ожидали прихода «зеленых человечков» в Киев, и я тогда твердо решила, что ни за что больше не отпущу его одного в ночь. Пусть лучше резать клятых москалей ночью, улыбаясь утром, но вместе, мы Бони и Клайд... Одного не пущу, никогда и ни за что.

Он успокаивал меня, дескать, так и быть, все пойдем в партизаны, и это холодное спокойствие в голосе бесило меня, я знала — этот упрямый баран пойдет, он закроет меня в квартире и уйдет, в ночь — резать, жечь, взрывать, если надо... И не вернется... Это страшно.

Затем был референдум. Шутка про 146 процентов, проголосовавших за переход Крыма в состав России была горькой. Мы дивились тупой манере, в которой происходило все это и, наивные, надеялись, что парадами с флажками, плакатами и песнями сможем остановить вторжение...

У той час Росія як країна, де я народилася, як батьківщина мого тата, перестала для мене існувати. Моїм протестом стала українська мова. Ми давно хотіли почати розмовляти українською, ми твердо вирішили, що наші діти будуть україномовними, але, на жаль, рубіконом для зміни мови спілкування стали кримські події. Спочатку криво, з русизмами, іноді затинаючись, зустрічаючи нерозуміння і підколки з боку родичів і деяких друзів, ми майже не домовляючись викреслили зі своєї абетки літеру «Є»...

4. Борисполь — Киев (Апрель 2014)

Самолет коснулся взлетно-посадочной полосы, мелькание за иллюминатором становится все медленнее. Стандартные аплодисменты экипажу и вот мы приехали. Длинный путь по коридору, таможенный контроль, выдача багажа.

Первое, что удивило меня в аэропорту Борисполь, так это то, что ничего нет. Нет ровным счетом ничего необычного. Мое воображение рисовало мужчин в солнцезащитных очках, камуфляже, с автоматами в руках, лающих собак и толпы народа на отправку. А увидела я обычных пограничников, которые тиснули мне обычный штамп в паспорт и сказали, наверное, обычное в их краях «ласкаво просимо». Что именно они ласково хотели попросить, я так и не поняла, так как строгий дядька в форме жестом показал, что мне следует идти дальше к выходу.

Аэропорт встретил меня деловитым спокойствием, толпами таксистов, людьми, спешившими по своим делам, короче говоря, обычной будничной жизнью. Это даже было удивительно. Ребята, ау, у вас тут людей стреляют пачками, революция в стране, а вам нет дела что ли? Мама, роди меня обратно, ничего не понимаю...

Первым делом надо перекусить, благо, аэропортовый фастфуд мерцал всеми цветами радуги и зазывал клиентов. Банкомат любезно согласился беседовать со мной по-русски, по-украински, по-английски, и немецкий язык был еще, наверное. Какой выбрать, черт его знает, тут камеры везде понатыканы, может быть это засада? В глубине сознания я понимала, что это все глупости, но выбрала английский...

Железная коробочка дала мне свежих наличных. Деньги свежие, печатают, инфляция — сразу отпечаталось в голове. Я прямо разведчик, а не репортер, ай, я молодчина... Все еще голодная молодчина, поэтому иду в сторону харчевни.

И тут меня поразили аж две вещи сразу, оказалось, что сто долларов — это одна тысяча гривен и это лишь 10 порций макарон (о боже, у них нехватка еды) и то, что люди заказывают пищу на чистейшем русском, и никто их за это не ловит и никуда не забирает.

Удивительная страна, удивительные люди, удивительно вкусный у них тут борщ (традиционный украинский суп). Эти три мысли ритмично циркулировали в моей голове следующие минут пятнадцать, пока я завтракала и пила, хоть и недешевый, но вкусный кофе.

Попутно я рисовала чертиков в блокноте, вырабатывая стратегию написания репортажа. Первым делом, надо попасть в эпицентр событий, то есть на площадь Независимости в Киеве, пресловутый Майдан, там познакомиться с различными людьми и просто порасспрашивать. Точно, так мы и получим ответы на вопросы о Януковиче, Азарове, Яроше и всех остальных «веселых ребятах» из моего блокнота. А там разберемся по месту...

Борисполь — город, где находится международный аэропорт, расположен в 30 км от Киева. Аэропорт большой и современный, приличный такой. Из Борисполя в Киев ходят специальные автобусы для авиапассажиров и само собою, такси. Киев я знаю только по карте, поэтому решила «шикануть» еще один раз за день и поехать на такси прямо «на Майдан», тем более, что на улице было крепко холодно, а теплые вещи в чемодане. И тут меня еще раз сбила с толку эта удивительная страна, такси от аэропорта, прямо куда мне надо, стоило дешевле, чем обед. Я переспросила два раза (причем по-русски, черт с ней с конспирацией) — водитель оба раза назвал одну и ту же цену.

Ну что ж, поехали. Водитель положил мой чемодан в багажник, учтиво распахнул

заднюю дверцу, улыбнулся, я игриво улыбнулась в ответ, я ж симпатяжка, но дядька включил счетчик и стало ясно, что улыбайся не улыбайся, а скидки не будет. Машина тронулась.

Негромко шипят шины, мы летим по ровному четырехполосному шоссе со скоростью 200 км/ч. Я не то чтобы трусиха, но пристегнулась. Водитель краем глаза заметил это и недовольно поморщился, я удивилась такому раскладу — мало того, что он несется как угорелый, так еще ему что-то не нравится.

— Мы никуда не спешим, — заметила я.

— Та все хорошо будет, — буркнул дядька и добавил, — мадемуазель, вы имеете дело с профессионалом экстра класса. И улыбнулся золотыми зубами.

— Но все-таки зима, полиция, — сказала я и поняла, что легенда моя провалилась (в этой стране полиция появится лишь полтора года спустя и мне уже будет не до конспирации.)

— Ноу, мадемузаель, ниht полиция, ниht, — зачем-то пытался говорить «по-иностранному» водитель.

— Я понимаю и говорю по-русски, я журналист, — зачем сказала, что я журналист, конечно, не знаю, но эта фраза подействовала на престарелого шумахера благоприятно. Он перестроился из левого ряда в средний и сбросил скорость до 120. Ощущение было, что мы стоим на месте.

— Милиция сейчас прячется, можно ехать, сколько хочешь, меня Валентином зовут, — зачем-то отрекомендовался водитель. И до меня дошло, что сейчас у меня будет первое в этой стране интервью. Я тайком включила диктофон на телефоне.

— Элла, очень приятно, — я пошла в атаку. — Вы давно водите такси?

— 20 лет, сначала на двадцатьчетверке в таксопарке, потом на своем Опеле, а вот на старости лет сел на Элантру. Дорогая конечно, собака, но как идет! И выкупить можно, — дядьку явно понесло не в те степи...

— Как вы относитесь к событиям на Майдане?

— Будь он проклят...

Валентин как отрезал последнюю фразу и заметно изменился в лице, будто состарившись лет на 10.

— Вам куда в Киеве?

— Не знаю, видимо в центр. Я пишу репортаж о событиях 18–22 февраля. Понимаете люди за рубежом, они не понимают, что у вас тут происходит, им интересно, они хотят разобраться, — тараторила я, как пулемет, пытаясь подобрать слова. Заметно помрачневший мужчина вновь надавливал на педаль, смещаясь к левому бордюру.

Больше он не сказал ни слова, и в этой неловкой тишине мы влетели в большой город, пронеслись по широкому проспекту, слева и справа которого вдали от дороги виднелись сотни многоэтажных домов, краны строек, парковки, магазины, влетели на мост.

Внизу простиралась могучая река, местами укутанная льдом, справа до горизонта было еще несколько разных мостов. Берег впереди был крут и обрывист, весь в деревьях, вверху сверкали в солнечном свете купола церквей, и серебрилась, диссонирующая, статуя несуразной женщины со щитом и мечем, грозной своей физиономией, смотревшая куда-то на восходящее солнце.

В конце моста с визгом шин машина ушла вправо, оставив большую зеленую заправку по правому борту. Сбросив скорость сразу за ней, мы ввинтились в узкую и дико замысловатую развязку дорог, аккурат у подножия несуразной женщины. Вышли из

хитросплетения эстакад и, совершив еще один правый вираж, пошли вверх по дуге. Все происходило, как на американских горках (я даже дыхание затаила). Вылетели наверх возле огромной церкви, не сбавляя скорости понеслись по улице вдоль белой стены, которая сменилась невысоким длинным зданием, затем постаментом с маленькой смешной пушкой, каким-то парком. Резко остановились, вскочив правыми колесами на бордюр. У нас в Израиле за такое бы отобрали права, а то и посадили. Но редкие люди в форме явно не замечали маневров белого автомобиля.

— Майдан — прямо, вниз и налево, — буркнул водитель. — Денег не нужно, — добавил он, открывая мне дверь и вручая чемодан.

Я вышла, виновато улыбнувшись этому дивному престарелому гонщику, взяла чемодан и направилась в указанном направлении, удивленно пялясь на разного рода людей в камуфляже возле какого-то синего здания, греющих руки у костров. Вот она — революция. В душе заиграл победный горн. Вот она, где живет.

Я прошла еще метров сто и почему-то обернулась. Машина такси все так же стояла на тротуаре, мигая аварийной сигнализацией. Все так же не обращали на нее внимания местные блюстители порядка. А мой неприветливый водитель стоял на коленях возле кучи цветов и фотографии какого-то молодого парня в строительной каске и горько плакал...